

УДК 340.11+340.12+343.97

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ МАРГИНАЛЬНОСТИ

Р.Ф. Степаненко

Аннотация

В статье рассматриваются общенаучные и теоретико-правовые методологические проблемы изучения такого деструктивного с точки зрения юриспруденции социального явления, как маргинальность. Анализируются разнообразные средства познания и способы организации познавательной деятельности в общеправовой теории маргинальности.

Ключевые слова: общеправовая теория маргинальности, методология, интегральная юриспруденция, синтез, система, принцип множественности знаний, синергетика, гештальт.

Консеквентность онтологического и гносеологического изучения маргинальности как, в широком смысле, *сложной исторически устойчивой самоорганизующейся системы, обуславливающей (в юридическом понимании) индифферентность, отчужденность, пограничность, неадаптированность к социально-нормативной действительности значительных групп лиц, предрасположенных к деструктивным моделям правового поведения*, послужила стимулом системного, в том числе интегрального познания этого явления при взаимодействии таких теоретико-правовых наук, как философия и социология права, а также собственно теория права.

Рассмотренный нами генезис общей теории маргинальности способствовал обоснованию и выделению следующих подходов в исследованиях данного феномена: 1) *гуманитарный*, ведущими направлениями которого являются философское, историческое, социологическое, политологическое и правовое (общая теория права и криминология) изучение маргинальности; 2) *естественно-гуманитарный*, объединяющий научно-теоретические разработки в областях социальной медицины, психологии, психиатрии, девиантологии, аддиктологии и других, совокупность познания которых значительным образом обогащает и правовой сегмент маргиналистики. В свою очередь, такое плюралистическое и междисциплинарное осмысление маргинальности выявило и обозначило определенную проблематичность выбора средств познания и способов организации исследовательской деятельности в общей теории права.

Как известно, методологический посыл всякого научного исследования требует установления и объяснения схем построения, а также способов упорядочивания и систематизации познавательного процесса в соответствии со сложившимися стандартами той науки, в области которой оно проводится. Причем

применяемый метод должен способствовать наиболее полному раскрытию сущности и содержания рассматриваемого феномена. В связи с этим в работе нами используется традиционная методологическая модель правоведа, включающая в себя общенаучные, научные и частнонаучные методы, такие как философский, исторический, социологический, психологический, логические (индукция и дедукция, анализ и синтез, аналогия, обобщение), формально-юридический, сравнительно-правовой, правовое моделирование и др. Однако многогранность и междисциплинарность объекта нашего исследования выявляют необходимость расширения границ его правового познания путем включения и суммирования в структуре доминирующих юридических методологических конструктов дополнительных теоретических приемов и операций, необходимых в логике как общенаучного, так и юридического исследования маргинальности. Это связано в первую очередь с тем, что способы нахождения и уяснения свойств и сущностных характеристик изучаемого нами объекта не в полной мере корреспондируют с традиционными методами правой науки, и следовательно в рамках данных установок могут не в достаточной мере способствовать объективности и результативности процесса познания.

В этом смысле сложность юридического опыта в изучении социально-правовых явлений, в том числе и нашего объекта изысканий, сталкивается с «подлинной» проблемой методологии правоведа, имеющей достаточно дискуссионный характер, которая, впрочем, актуальна и в отношении общенаучной методологии социального познания. В области юриспруденции данная проблема, по мнению многих теоретиков права (Д.А. Керимов, Б.И. Пугинский, Н.Н. Тарасов, В.М. Сырых и др.), заключается в сложившейся противоречивой ситуации, связанной в том числе и с критикой диалектического материализма как философско-методологической основы права.

Диалектика как теория и метод постижения истины, зародившись в философских учениях Платона, Сократа, Аристотеля и стоиков, получив признание римских юристов, приобрела свое широкое распространение в науке конца XVIII – начала XIX в. благодаря фундаментальным разработкам Гегеля. Дальнейшее развитие диалектический метод познания получил в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Далее, будучи унифицированным в начале XX века В. Лениным и И. Сталиным и «самообозначенным» в качестве диалектического материализма, представлял собой методологическую основу советской науки начиная с 30-х годов прошлого столетия.

Как считает Н.Н. Тарасов, данная установка в советской правовой науке стала теорией-образцом и тщательно селекционировалась партийной элитой. В соответствии с политическими целями государства она являлась относительно замкнутой теоретической системой, защищенной от внешнего влияния коммунистической идеологией, и не подвергалась принципиальной критике своих философских оснований. Этот подход упразднял дуализм юридического позитивистского понимания права и естественно-правовой его концепции, объединив их в качественно иное образование, базирующееся на «методологической оппозиции отношений базиса и надстройки, идеи экономического детерминизма и понимания права как классового, а значит, политического по своей природе института» [1, с. 28–29]. С другой стороны, как полагает известный исследователь

зарубежной традиции права Г. Берман, не представляется возможным объяснить научную методологию и ценности, характеризующие науку, с точки зрения развертывания идей в некоем платоническом, гегельянском или ином смысле. В конкретно исторический период своего развития она является «социальным ответом на социальные нужды» [2, с. 160]. В то же время причины использования диалектико-материалистического подхода советскими учеными-правоведами имеют свое исторически и идеологически ранжированное обоснование, что между тем не повлияло на формирование в юридической науке большинства фундаментальных теоретических исследований, и более того – послужило объективной предпосылкой эволюции правовой науки. В свою очередь, концепт самого диалектического метода познания и его потенциал, бесспорно, позволяют изучать сложные, изменчивые и противоречивые явления, то есть диалектические объекты действительности. Однако, с точки зрения Б.И. Пугинского, его применение вряд ли возможно в позитивистской трактовке права, которая, по мнению автора, требует смены общих представлений об объекте правовой науки и прежде всего отказа от отождествления права и закона (см. [3, с. 9]).

В этом смысле сложность юридического опыта в познании междисциплинарных, многомерных понятий, в том числе и объекта нашего исследования, сталкивается с данной и вытекающей, по нашему мнению, из нее другой проблемой методологического характера, на рассмотрении которой мы остановимся далее. В связи с этим отметим, что Г. Гурвич, например, предлагает «либо отказаться от всякого методологического дискурса в сфере права, т. к. упрощенчество в этой сфере приводит к особо печальным последствиям, либо, несмотря на все возможные трудности философского плана, рискнуть приступить к изучению специфического юридического опыта во всей его сложности» [4, с. 221]. Такая постановка вопроса актуализируется прежде всего в связи с возрастанием в юридической науке теоретических исследований в формате плюралистического правопонимания, интенциональность которых приобретает все большую востребованность в целях внедрения и усовершенствования интегративных методологических подходов.

Представляется, что в сфере современной российской социогуманитаристики, в том числе юриспруденции, уже формируются тенденции развития плюралистической методологии. В частности, такой опыт представлен в концепции интегральной (интегративной) юриспруденции, основанной на правовом плюрализме, то есть ценностной, психологической, когнитивной, социокультурной интересубъективной обусловленности права теоретико-правовой школы юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Между тем обоснование и получение многомерных знаний о социально-правовых явлениях при взаимодействии триады таких научных дисциплин, как философия и социология права, а также общая теория права, является в значительной степени проблематичным в структурно-методологическом диапазоне юридической науки, в которой ученые-правоведы «наиболее чувствительны к шаткости своей научной свободы» [2, с. 158]. Особенно остро эта проблема проявляет себя тогда, когда теоретические разработки такого рода уже не могут ограничиваться только сферой гуманитарных познаний.

Объективное развитие современной науки и общества, на наш взгляд, обуславливает возрастающую потребность в интердисциплинарных исследованиях,

для успешного осуществления которых необходим максимально развернутый и усовершенствованный методологический инструментарий. Обоснование применения последнего, как мы полагаем, содержится прежде всего в интегративной (синтетической) функции философии, содержание которой представляет не механическое соединение, а системное и целостное – синтез разнообразных форм познания и практики, то есть гегелевскую Целокупность (органическую совокупность. – *P.C.*) знаний об изучаемом объекте. Основываясь на такой философско-мировоззренческой идее, российская плюралистическая правовая школа использует, помимо собственных, достижения и естественно-гуманитарных наук, при этом нисколько не нарушая основ и целостности фундаментальной отечественной правовой мысли, но значительно обогащая ее базисные положения, а также задавая новый вектор в исследованиях сложных социально-правовых феноменов. Необходимость такого методологического многообразия представляется возможным обосновать рядом следующих объективных причин.

Во-первых, это объясняется глобальными эволюционными изменениями социально-правовой действительности и общества в целом (то есть в самом широком смысле – предмета исследования общественных наук). В частности, в контексте концепции информационного общества рассмотрение проблем его развития в формате «капитал – труд» смещается в сторону изучения производства и использования научно-технической информации путем внедрения новейших достижений (инноваций) во все сферы общественной жизни (см. [5, с. 281–282]).

Во-вторых, в сфере отечественных общественных, в том числе правовых наук активно внедряются и используются положения новейших зарубежных источников (В. Адорно, М. Вебер, П. Гленсдорф, Э. Гуссерль, Ж. Гурвич, К. Поппер, П. Сорокин, М. Хайдеггер и др.), посвященных философско-методологическим проблемам гуманитарной сферы, что, на наш взгляд, позитивно сказывается на развитии российской науки, способствуя ее деидеологизации.

В-третьих, постсоветский период российских философских и правовых фундаментальных исследований в области методологии характеризуется изучением, обоснованием и внедрением в область обществоведения многообразных знаний, полученных путем рефлексии в разнообразные сферы науки при помощи синтетических подходов и методов (А. Сахаров, В. Кохановский, Н. Моисеев; деятельность Московского методологического кружка (Б. Грушин, А. Зиновьев, М. Мамардашвили, Г. Щедровицкий) и т. д.), в том числе в юридической науке (С. Алексеев, В. Бачинин, Д. Керимов, В. Лазарев, В. Нерсисянц и др.).

В-четвертых, обращает на себя внимание формирование познавательных практик и накопление научно-исследовательского опыта непосредственно в сфере отечественной юриспруденции благодаря новейшим разработкам методологических конструктов и парадигм, основанных как на традиционных, так и на нетрадиционных (интегральных) концепциях (В. Графский, Ю. Гривцов, И. Козлихин, А. Поляков, Е. Хохлов и др.); в том числе посредством интерполяции в сферу гуманитарных знаний естественнонаучных теорий в контексте синергетического подхода.

В связи с отмеченными обстоятельствами, на наш взгляд, можно предположить, что предпочтительное и традиционное использование многоуровневой методологической концепции в российской правовой науке, которая в определенной

степени обеспечивает и организует научную деятельность, для современной юриспруденции становится недостаточно эффективным способом познавательной деятельности, в первую очередь с точки зрения всесторонности научно-исследовательской деятельности. Проблема в такой постановке, активно рассматриваемая на рубеже XX – XXI вв. российскими учеными, получила свое развитие прежде всего в философской науке в формате так называемой «интеллектуальной революции», суть которой охватывается сменой «больших парадигм» в методологии общенаучных знаний. Главным содержанием этой «революции» являлись сущностные изменения фундаментального логического мышления, которые выразились в полифундаментальности (многомерности) категориального строя и способа мышления, его методологического и мировоззренческого базиса [6, с. 92] в формате, как уже отмечалось, интегративной функции философии и не только.

Базисные философско-методологические установки наряду с изменениями в современной социокультурной ситуации и формированием новых познавательных традиций действительно стирают в правоведении некие абсолютные границы между юридическими и неюридическими сферами исследований. Процесс исторического развития правоведения и проблема многовекторности юридических исследований приобретает новые смыслы, в которых междисциплинарные познания объектов рассмотрения общей теории права направлены уже не столько на открытие отдельных свойств самого права, сколько на выяснение существенных для правового регулирования закономерностей и взаимосвязей общественных отношений и социальных процессов, происходящих как на коллективном, так и на индивидуальном уровне.

Постпозитивистский период аналитической философии позволил акцентам традиционных методологических подходов сместиться в направлении общеметодологической рефлексии, в которой знание с позиций внутренней организации в пределах той или иной науки перемещается в более широкое теоретическое пространство его институциональной организации, и наоборот. При таком ракурсе в методологическом поле зрения правоведения оказываются новые постановки проблем принципов права и норм, вопросов соотношения личности, государства и права как объектов совместного общенаучного познания, в которых формируются новые теории и направления определенных юридических научных дисциплин, впоследствии внедряемые в другие дисциплинарные области.

Феномен маргинальности исследуется, с одной стороны, как органическое общее, особенное и единичное, включающие в себя на разных уровнях такие его формы, как культурная, структурная, а также статусная и другие, выступающие конкретными моментами единой «тотальности», а с другой – как являющееся абстрактным по отношению к Целому (Общество), вне этого органически Целого становящееся абстрактным общим. Тем самым правовой объект познания в маргиналистике, рассматриваемый исследователями в качестве части такого сложного явления, как маргинальность, в то же время сам по себе представляет единство многообразного, то есть он является реальным общим, свойственным как для сферы правовой действительности, так и для социальной реальности в целом, познание которого возможно лишь при помощи совокупности методов тех наук, которые заинтересованы и задействованы в изучении данного феномена.

Как уже отмечалось, действующие в российской науке неизменные познавательные стандарты, приобретшие с середины XX в. свою значительную условность, определили перед методологией как философским учением о методе познания новые задачи конструирования и преобразования схем организации научной деятельности. В этой связи обращают на себя внимание деятельность образованного в 50-х годах прошлого столетия Московского методологического кружка (ММК) и исследования его известных участников: А. Зиновьева, Г. Щедровицкого, Б. Грушина, М. Мамардашвили и других, которые занимались фундаментальным разъяснением необходимости преобразования существующей методологии посредством внедрения и использования такого сложного и теоретически обоснованного ими конструкта, как *системомыследеятельность* (СМД). Поэтому в российской науке обозначенный период ознаменован серьезным поворотом к теории деятельности (не по схемам объекта деятельности, а по схемам самой деятельности), фактически послужившей стимулом к развитию нового способа организации знания.

Философская категория деятельности из регулятивной становится центром онтологических представлений и основным предметом многих научных исследований. С точки зрения членов ММК, эта категория (СМД) превалирует над категорией мышления и последняя становится особым видом деятельности, определяемым как мыслительная деятельность (теория мышления). Одним из принципиальных моментов в данной методологической программе является осознание и рефлексивное отделение самой методологии от логики, философской теории познания, что в целом характеризует ее как новый синтетический способ мышления. Специфика этого методологического подхода состоит в технологии *синтеза разнопредметных знаний и создании новых конфигураций из знаниевых комплексов, традиционно относящихся к разным дисциплинам*. Такой методологический подход как новая форма мышления и деятельности имеет направленность не на сферу частных наук и отдельные виды деятельности, а на весь универсум человеческой деятельности, фундаментальной основой которого является общая теория деятельности. В свою очередь, в структуре этой общей теории деятельности выделяется множество таких частных научных концепций деятельности, как, например, теория проектирования, управления, экономики, педагогики, права и т. д. (см. [7, с. 923–926]).

Примечательно, что данная методологическая концепция стала активно применяться прежде всего в зарубежной интегрированной юриспруденции и лишь несколько позднее была осмыслена отечественной теорией права. Обосновывая целесообразность ее использования в российском правоведении, Б.И. Пугинский отмечает, что именно деятельность есть реальная движущая сила правового регулирования, основа существования и развития права. Изложенные на бумаге законы еще нельзя считать реальным правовым регулированием, нельзя признавать правом. Именно человеческая правовая деятельность должна быть поставлена в центр представлений о праве. «Она имеет содержанием создание и реализацию нормативных установлений и применение правовых средств для решения экономических и иных социальных задач... Именно деятельностный подход обеспечивает регулятивное, преобразующее значение правовых установлений» [3, с. 16].

Применение такого либерального методологического подхода представляется достаточно емким с точки зрения объема получаемых знаний, но с другой стороны, совокупность этих знаний далее органически интегрируется в сложную систему с многочисленными, весьма разнообразными функциональными, материальными и культурными компонентами, связанными между собой такими философскими категориями, как знания, вещи, смыслы, значения, цели, мотивы, знаки, сознание, символы и т. п.

Особенность СМД-методологии в отличие от традиционного классического методологического подхода заключается в том, что она не только не отвергает общепринятого научного подхода, но, наоборот, продолжает и расширяет его, распространяя на такие области, где раньше он не применялся. Композиции из концепций разного типа, естественнонаучных и социально-гуманитарных, основываются на *принципе множественности представлений и знаний об изучаемом объекте*, который включает в себя и учитывает их однородность и гетерогенность по «схеме многих знаний». Частным случаем такой схемы могут выступать и такие естественнонаучные концепции, как принцип дополнительности Н. Бора, принцип «включения» Л. Розенфельда, теория хаоса (теория нелинейных динамик) И. Пригожина и И. Стенгерс, бифуркационная теория Л. Розенфельда и И. Пригожина и многие другие, что в сочетании с самыми современными методами системных исследований, полагает В.В. Мацкевич, делает этот подход «уникальным явлением в постсоветской культуре» (см. [8, с. 948]).

Принцип множественности, аккумулирующий в себе совокупность не только однородных, но и гетерогенных знаний о сложных объектах познания, в деятельностном подходе является неременным условием их изучения и предполагает *обязательное осуществление рефлексии* в различные сферы науки. Инициированные исследователем процедуры рефлексии должны иметь своей задачей сведение разнообразных научных смыслов и представлений об объекте к общему знаменателю, подтверждающему теоретические предпосылки автора. В этой связи хотелось бы отметить тот факт, что коль скоро маргиналистика включает в себя два подхода к изучению искомого феномена – гуманитарный и естественно-гуманитарный, то их совместное действие (синергетика) может способствовать достижению этой цели.

Изучение причинности маргинализации (внешних и внутренних) в контексте синергетического подхода, в частности при помощи основных положений теории неравновесных динамик (теории хаоса) лауреатов Нобелевской премии И. Пригожина и И. Стенгерс, может способствовать познанию свойств изучаемого феномена в качестве сложного элемента (пограничного, изменяющегося, имеющего неустойчивый характер) социальной системы. Синергетика как одно из ведущих направлений современной науки при помощи естественнонаучных теорий, подтверждаемых опытами, проводимыми в области физики, химии, биологии и других, сумела концептуально обосновать зависимость и обусловленность устойчивости, а также равновесия систем от неравновесных колебательных процессов (флуктуаций). И. Пригожин и И. Стенгерс приходят к выводу об определяющем характере неравновесных и самоорганизующихся состояний для эволюции, причем характеристики этих флуктуаций способны влиять на возникновение очень сложных ситуаций, порождающих изменения внутри как

природных, так и социальных систем. Если же в равновесном или слабобалансированном состоянии флуктуаций система функционирует достаточно стабильно, то при увеличении неравновесия она достигает порога устойчивости (стабильности), критические значения которого определяются как точки бифуркации. Один из двух возможных вариантов развития систем в дальнейшем зависит уже от выбора способов выхода из этой ситуации, то есть от осуществления бифуркационного перехода в то или иное состояние, необходимое для коренной перестройки элементов этой системы. Именно бифуркации становятся источником нововведений и преобразований (инноваций) в развитии внешних и внутренних свойств природных и социальных феноменов. Данное положение, как видится, необходимо учитывать, приступая к изучению и моделированию такого сложного феномена, как маргинальность.

Синергетический подход, основанный на теории самоорганизации нелинейных динамических сред («теория хаоса»), задающей направления нового видения сложных объектов (Г. Хакен, Г. Николс, И. Пригожин, Л. Розенфельд, П. Гленсдорф, И. Стенгерс, А. Баблюяц, Н. Моисеев и др.), обосновывает необходимость *совместного изучения законов протекания физических и социальных явлений посредством их общенаучного наблюдения*. Одни и те же сложности синергетической парадигмы (нелинейности, флуктуации, бифуркации, диссипации и т. д.) в рамках данного консолидированного подхода объясняют динамический (наличие имманентного потенциала самоорганизации), но не статистический (многоуровневая структура иерархий) характер образования микро- и полифундаментальных систем, в том числе социальных. Такие самоорганизующиеся системы (подсистемы), находясь в состоянии покоя или незначительного неравновесия, способны выступать, как уже отмечалось, условием установления порядка. Но при других обстоятельствах, когда деструктивные потенциал и энергия локальных очагов «возмущающегося» поведения, то есть все то, что находится в беспорядочном состоянии вредных социальных «отходов», накладываются на неслучайные предпосылки, то эти неконтролируемые и непрогнозируемые процессы могут стать судьбоносными и вести к разрушению самого порядка [9, с. 791–793]. Познание феноменов такого рода, к каким, на наш взгляд, относится маргинальность, открывает перед правовой наукой «неустойчивый мир, в котором малые причины порождают большие следствия» [10, с. 269].

Как видится, синергетическая методология, позволяющая объединить множество теоретических разработок из различных сфер знаний и обладающая значительным эвристическим потенциалом для систематизации научных исследований в целостном познании объектов, на прикладном уровне может дать значимые позитивные результаты при конструировании общеправовой концепции маргинальности и не только. Однако данная методологическая установка в настоящее время не находит достаточного применения в юридической науке. К сожалению, в этом контексте в правоведении складываются определенные противоречия общеметодологического характера между традиционно применяемой концепцией многоуровневых исследований социально-правовых явлений, где каждый уровень основывается на предыдущем и вытекает из него, и синергетической, в том числе интегративной методологической установкой. Таким образом, на наш взгляд, новейшие правовые исследования используют принцип

множественности разносторонних знаний, однако не имеют возможности в достаточной степени обосновать методы и способы организации своей научно-познавательной деятельности в границах сложившихся традиций правовой науки.

В частности, А.В. Погодин, исследуя принципы построения теоретических знаний о содержании права и его структуры, отмечает как значительную проблему отсутствия современных системных схем организации исследовательской деятельности в юридической науке. Прежде всего это связано с тем, что современные правовые исследования помимо социально-предметного содержания права включают в его структуру нравственные, психологические, а также биологические компоненты. «В праве не может не содержаться характеристика вины, мотивов, вменяемости, возраста, пола и некоторых других психологических и биологических явлений и состояний, которые имеют конструктивное значение для регулирования правовой квалификации поведения субъектов-право-реализаторов», – считает автор [11, с. 23]. Данное положение является, на наш взгляд, концептуальным не только для общеправовой теории маргинальности, но и для права в целом как на общетеоретическом уровне, так и на прикладном. Мы полагаем, что оно имеет существенное значение для многих правовых научных и учебных дисциплин, таких как уголовное право и криминология, административное право, гражданское, трудовое, семейное и другие, при изучении деликтоспособности, вменяемости, трудоспособности, установлении опеки и попечительства, решении вопросов о суррогатном материнстве и во многих других сферах, в которых психологические, психиатрические, физиологические, то есть биологические аспекты оказываются существенно важными.

Это положение может влиять на оценку или характер обоснования и применения мер правового регулирования как в правотворческой, так и в правоприменительной деятельности. Его непосредственное значение важно и для общеправовой теории маргинальности, в одной из классификаций которой предлагается различать два вида маргинальных субъектов на основании общесоциальных и биологических (физиологических) факторов. К виду, выделенному с учетом последних, относятся лица, больные хроническим алкоголизмом, наркоманией, психически нездоровые, лица с различными типами аддикций и т. п.

Проблема биологического содержания права в рамках общей теории маргинальности, объективируясь через одну из задач нашего исследования – изучение маргинальной личности в рамках соотношения понятий общей теории права *личность – право*, требует некоторого уточнения в видении данного вопроса. Так, интегративная теория личности, состоящая из двух ведущих направлений, одно из которых ориентировано на естественные науки (биология, физиология, неврология, генетика и др.), а другое – на социальные (социология, антропология, история, право и др.), основана на положении об адекватном понимании человеческого поведения только при изучении *самого человека в целостности, то есть как «биосоциодуховного» объекта исследования* ([9, с. 1024], см. также [12, с. 21–39]).

В этом смысле переориентация, то есть смещение центра онтологической картины права из области позитивного объяснения и толкования законодательства в сторону изучения природы права и природы человека в рамках теорий личности, по нашему мнению, представляется возможной и целесообразной.

Помимо этого, исследование маргинальности в сфере права как особой сложной формы объектно-субъектных правоотношений имеет своей задачей распознавание смысла и сущности процессов маргинализации, обусловленных / не обусловленных разносторонними специфическими взаимоотношениями по схеме *маргинальная личность – государство – право*. Для решения этой задачи, с одной стороны, нам необходимо объективное всестороннее изучение и объяснение тех параметров и процедур, которые задействованы государством в разработке и принятии нормативно-правовых актов, регулирующих маргинальные процессы. А с другой стороны, требуется изучение тех видов человеческой деятельности (образа жизни, поведенческих стратегий маргинальных лиц (групп) и т. д.), на урегулирование которых эти законы должны быть направлены.

Такая специфическая проблематика системного исследования может существовать только там, где используются и сохраняются познания различных сфер науки (философии, социологии, истории, медицины, психологии и др.), с которыми нужно работать, добиваясь связного описания объекта при различии и множественности фиксирующих его свойств и характеристик. Поэтому, считает Г.П. Щедровицкий: «Мы уже не можем находиться внутри этих предметов и действовать по законам их имманентного развития, а мы должны выскочить за них и особым образом работать над ними» [13, с. 76]. Благодаря данному подходу в современной науке возникает новая, более последовательная концепция науки и природы, которая прокладывает путь к новому объединению знания и культуры. А посредством устранения методологических разногласий как в сегменте самих социальных наук, так и в дихотомии социальных и естественных наук происходит их синтез в целях плодотворного междисциплинарного диалога.

Абстрагируясь от принципа всесторонности и системности научного знания в построении общеправовой концепции маргинальности и принимая во внимание важнейший тезис СМД-методологии о множественности представлений и знаний об одном объекте, которые дают возможность пополнения этих знаний композициями из разнообразных методов мышления, на наш взгляд, отдельное внимание следует уделить также новому современному методологическому подходу – гештальтсоциологическому направлению.

Гештальтметодология, как один из способов организации и систематизации знаний в сфере социогуманитаристики, имеет относительно недавнюю историю развития в отечественной науке, в особенности в ее гуманитарной сфере. Понятие *гештальт* (от нем. Gestalt – форма, образ, строение), изначально использовавшееся одной из основных школ зарубежной психологии, впоследствии нашло свое применение в области естественнонаучных знаний – гештальттерапии. Разработанная гештальтметодология со временем стала активно использоваться в зарубежной науке, в частности в гуманитарных исследованиях: в философии науки, философии истории, социологии, юриспруденции и других, в настоящее время она нашла свое применение и в российском правоведении.

Применение гештальтметодологии в теоретико-правовом исследовании В.К. Варданянца [14], на наш взгляд, достаточно убедительно подтверждает основательность и многовекторность работ такого рода. Бытие права и бытие в праве; вопросы этического императива в правовых установках; соотношение гражданского общества и правового государства, включая порядок прав и правовой

порядок; правовые отношения и социальный контроль; правовое сознание и сознание права; патологии права, в том числе декомпрессия права и правовые бифуркации; соотношение девиаций и криминализации общества, то есть широкий круг вопросов и проблем социолого-правовой науки, объединяющий право и социальность в единый социально-правовой образ, или организм (гештальт), и указывающий на параллелизм с познанием нашего объекта, где одним из элементов данного организма является и исследуемый нами феномен. Действительно, социум, право, маргинальность как самостоятельные, но взаимосвязанные и взаимозависимые феномены, сосуществуя в едином Общем, представляют собой элементы единого образа – Общества. Переплетаясь при этом с иными социальными явлениями – экономикой, политикой, культурой, нравственностью и подобными, которые, в свою очередь, влияют / не влияют на возникновение такой негативной формы проявления маргинальности, как правонарушения, они создают целостную картину того общественного устройства, компонентами которого являются.

Многомерное и последовательное изучение маргинальности как объекта познания общеправовой теории, объективированное через творческую интуицию и мировоззренческую позицию автора, имеющих, по мнению Д.А. Керимова, большое значение в научно-исследовательской деятельности [15, с. 24], предполагает, на наш взгляд, возможность использования в этих целях и гештальтметодологии. Вероятно, ее применение позволит нам более предметно и обоснованно выстраивать организационную структуру познавательного процесса в целях наблюдения конгломерата всевозможных и многообразных элементов маргинальности, редуцирующих или, наоборот, генерализирующих их в отдельное целое, где уже это целое – маргинальность – становится частью более общего конструкта – социального пространства. Представляется, что нетривиальность такого метода делает его применение целесообразным, позволяющим познать маргинальность как частную субстанцию всего социального организма со всевозможными ее взаимосвязями и проявлениями.

Таким образом, в качестве совокупности способов и методов организации научно-теоретической деятельности по изучению и построению общеправовой концепции маргинальности может быть предложен синтез философского, исторического, социологического, правового и естественнонаучного подходов, основанный на *принципе множественности и всесторонности знаний*, способный, по нашему мнению, обеспечить *системное* представление об изучаемом феномене. В заключение хотелось бы отметить, что, как бы ни оценивалось умение обоснования того или иного метода, его научная ценность и целесообразность в конечном итоге резюмируются посредством объяснения сущности и содержания объекта исследования: «Важно только, чтобы это была именно методология науки» [16, с. 48].

Summary

R.F. Stepanenko. Theoretical and Methodological Problems of the General Legal Conception of Marginality.

The article deals with general scientific as well as theoretical and legal methodological problems in studying marginality as a destructive social phenomenon from jurisprudence's

point of view. We explore various cognitive means and the ways of cognitive process organization in the general legal theory of marginality.

Key words: general legal theory of marginality, methodology, integral jurisprudence, synthesis, system, principle of multiplicity of knowledge, synergetics, Gestalt.

Литература

1. *Тарасов Н.Н.* Объект и предмет юридической науки: Подходы и методологические смыслы различения // Изв. вузов. Правоведение. – 2010. – № 1. – С. 20–35.
2. *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 623 с.
3. *Пугинский Б.И.* Методологические вопросы правоведения // Изв. вузов. Правоведение. – 2010. – № 1. – С. 6–19.
4. *Гурвич Г.Д.* Философия и социология права: Избр. соч. – СПб.: Изд. дом С.-Петерб. ун-та, 2004. – 849 с.
5. *Кохановский В.П.* Философские проблемы социально-гуманитарных наук (формирование, особенности и методология социального познания). – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 320 с.
6. *Алтухов В.* Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссий) // Общ. науки и современность. – 1993. – № 1. – С. 88–100.
7. Новейший философский словарь. – Минск: Книжный дом, 2003. – 1279 с.
8. *Мацкевич В.В.* СМД-методология // Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.; Минск: АСТ; Харвест, Соврем. литератор, 2001. – С. 947–948.
9. *Бачинин В.А.* Энциклопедия философии и социологии права. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006 – 1093 с.
10. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 431 с.
11. *Погодин А.В.* Принципы исследования содержания права // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2010. – Т. 152, кн. 4. – С. 19–27.
12. *Кэлвин Х., Гарднер Л.* Теория личности. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 592 с.
13. Путеводитель по основным понятиям и схемам методологии Организации, Руководства и Управления: Хрестом. по работам Г.П. Щедровицкого / Сост. А.П. Зинченко. – М.: Дело, 2004. – 208 с.
14. *Варданыц Г.К.* Социальный генезис права: гештальтсоциологический анализ: Дис. ... д-ра социол. наук. – М., 2008. – 349 с.
15. *Керимов Д.А.* Методология права (Предмет, функции, проблемы философии права). – М.: Аванта, 2001. – 521 с.
16. *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки. – Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2001. – 264 с.

Поступила в редакцию
18.04.11

Степаненко Равия Фаритовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Университета управления «ТИСБИ», г. Казань.
E-mail: at240886@gmail.com